

DOI 10.18522/2415-8852-2021-1-7-17

**«НЕЗАМЕНИМЫХ НЕТ» – ОЧЕНЬ НЕМЕЦКАЯ МЫСЛЬ.
РУССКИМ ОНА НЕ ПО ДУШЕ, И МНЕ ТОЖЕ**

Дирк Кемпер – официальный представитель Германской службы академических обменов (DAAD) в России, вице-президент Российского союза германистов, заведующий кафедрой германской филологии им. Т. Манна в Российском государственном гуманитарном университете, автор монографий о немецкой литературе и культуре, в том числе вышедшей на русском языке (в переводе А.И. Жеребина) «Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна» (2009). Беседовала Вера Котелевская.

В номере, посвященном Году Германии в России, Дирк Кемпер рассказывает Р&I о своей страсти к письму, о развитии германистики и путешествии по России и о том, почему ему не по душе немецкая поговорка «Незаменимых нет».

В стихотворении Мандельштама «К немецкой речи», название которого мы и взяли в качестве темы этого выпуска, есть мысль, понятная не только поэтам и филологам, но и всем, кто чувствует язык или оказался в ситуации дву- и многоязычия (последнее в глобализованном мире – почти повседневность): «Мне хочется уйти из нашей речи / За все, чем я обязан ей бессрочно... / Чужая речь мне будет оболочкой». Вы не только исследуете эту ситуацию пограничья как культуролог и филолог, находясь одновременно внутри родного немецкого языка и рассматривая его с позиции эстетической «внезаходимости», но и живете в ней (уже больше 20 лет в России), постоянно осознавая разницу культур, семантики и прагматики двух языков. Изменилось ли что-то в вашем восприятии собственной страны, ее языка и культуры за годы жизни в России? Что дал вам взгляд издалека (русские писатели, как известно, очень прозорливо понимали свою страну именно на расстоянии – Гоголь из Италии, Тургенев из Франции...)?

Конечно, за границей отношение к родному языку меняется, особенно если функци-

онирование языка – часть твоей профессии. Становишься чувствительнее. Ничто уже не воспринимается как само собой разумеющееся. Преподавание немецкой литературы иностранным студентам, погружение в тексты требует куда больше труда, чем на родине, и не только из-за языкового барьера со стороны студентов, а еще и оттого, что для самого преподавателя все «самоочевидное» вдруг отменяется, перестает работать. У меня открылись глаза: ведь я не все объяснял немецким студентам (хотя это и было необходимо), а теперь вот растолковываю русской аудитории материал во всех подробностях.

Еще одно открытие, которое делаешь в чужой стране, – это то, насколько наш язык сросся с кровью и плотью нашего менталитета. Это многое позволяет понять, временами забавляет, но нередко и откровенно раздражает или смущает.

Пожалуй, два наблюдения над немецким языком со стороны, из России, для меня важны.

Изменился язык наших массмедиа. Даже там, где раньше претендовали на превосходное качество немецкой речи, например, в редакции «Тагесшау», литературный язык образованного общества заменяется повседневным языком, основанным на консенсусе – *Konsenssprache*. «Консенсус» – слово иностранное, из латыни, значит, ударение должно бы быть на -е (*Konsenssprache*), а вовсе

не на -о, как сейчас принято (и в «Тэгесшау» тоже). У нас нет компетентной инстанции, защищающей нормы литературного языка, и я не хотел бы сетовать на подобные изменения как на признак всеобщего культурного упадка, просто неправильное ударение до сих пор режет мне ухо, и тут уж ничего не поделаешь.

Но второе наблюдение видится мне куда более важным. Не знаю почему, но я вырос с сознанием, что Германия – страна качественной прессы международного уровня, с соответствующими лидерами. Еще в школе я читал «Франкфуртер альгемайне цайтунг», «Шпигель» и некоторые другие издания. Это наивное преклонение перед немецкими массмедиа развеялось после жизни в Москве в два счета. Первым разочарованием было впечатление недостаточной информированности и точности, возникавшее при чтении немецких материалов о тех событиях, о которых на месте я был информирован иначе, и с куда «лучшей» стороны. Я мог бы убедить себя, что такое впечатление основано скорее на моей самонадеянности, чем на фактах, если бы московские журналисты то и дело не давали мне понять, что «лучшая», но и более сложная, богатая гипотезами информация о России совсем нежелательна в немецких редакциях. Однако я не мог представить себе такого, как я это называю, «единодушия» в освещении России. В немецких СМИ вот уже 18 лет, и по нарастающей, господствует

монолог мейнстрима, который, постепенно сгущая краски, рисует столь же односторонний, сколь и упрощенный образ России. То, что альтернативные точки зрения в этом мейнстриме больше не приветствуются, что с ними борются и для их носителей придуманы ругательные слова вроде «симпатизанты России», *Russlandverstehher*, кажется мне вопиющей аномалией в развитии общественного мнения. Отказываться от критического диалога – значит, распрощаться с гуманизмом и традициями Просвещения, которые мы все-таки привыкли считать основой нашей западной культуры. Тем важнее работа всех людей доброй воли с обеих сторон, которые ратуют за взаимопонимание и диалог между нашими странами. Впрочем, анализируя сейчас собственные наблюдения за СМИ, я могу назвать конкретную дату, когда образ России необратимо изменился: 2003 год. Это год, в котором Франция, Германия и Россия отказались поддерживать США в гонке вооружений против Саддама Хусейна, так что в итоге американский министр иностранных дел клеймил и изобличал блок Париж – Берлин – Москва как наихудший сценарий развития внешней политики США. В утро понедельника, как помню, образ России в германских СМИ омрачился.

Почти у всех «словесников» есть своя история «призвания» (вспомним столь глубоко изученного вами

Гёте) – событие, чей-то пример в детстве или юности, какой-то очень личный опыт соприкосновения со словом. Мы можем вспомнить явно мифологизированные, но по-человечески очень впечатляющие истории о дедушкиной библиотеке (Сартр) или печатной машинке (Бернхард)... Есть ли у вас своя «история»? Что для вас филология?

«Призвание» – сложная вещь, и если уж говорить о ней, то не хуже, чем тот, кто писал о Berufung... В основе же моего собственного представления о филологии лежит нечто еще, нечто иное, а именно опыт письма, удовольствие от процесса письма. Как бы мне ни нравилось преподавать, участвовать в конференциях, руководить научной работой студентов и консультировать, дискутировать, все-таки писать – самое важное для меня. Долгих перерывов быть не должно, мне требуется моя ежедневная доза, и в отпуске я чувствую неизбежную «ломку».

Помните встречу с академической средой и первое разочарование в ней? «Очарования» тоже интересны: семинары, курсы, преподаватели.

Знаете, меня всегда завораживал в доске самый толстый слой, который труднее всего

просверлить. Непопулярные, оттого что особенно требовательные, профессора волшебным образом привлекали меня в студенческие годы. Преимущество было в том, что во времена массовых университетов в Германии я посещал очень, очень камерные студенческие и аспирантские семинары, которые явно усложняли жизнь, но невероятно обогащали меня.

Романтической идеей «невыразимости» (Unsagbarkeit, ineffable, апеллируя к одной из ваших книг) освящены лингвофилософские дискуссии прошлого столетия. Что вы сегодня думаете о них?

Распространенная лингвофилософская точка зрения состоит в том, что философия и наука в конечном счете являются не более чем самоописанием разума. Это, конечно, чистое западноевропейское Просвещение. Меня беспокоят тут две вещи. Самоописание разума не может быть границей нашего языка, так как за пределами чистого разума находится вообще-то еще немало другого, например, религия и искусство. И в обеих этих областях происходит поиск слов для описания того, что не может быть понято ни *рассудком*, ни *разумом* (если вспомнить кантовские категории), то есть для невыразимого, *das Unsagbare*. Так рождается искусство, так рождается литература, так рожда-

ется язык веры – то есть иной род философствования.

Есть такое слово – «обрусеть». Чувствуете ли вы себя «обрусевшим» немцем? Во всяком случае, что вам удалось принять, сделать «своим» в чужой культуре?

Когда Фауст выпрашивает у Мефистофеля все возможное и невозможное, Мефистофель отвечает ему: «Ты остаешься тем, кто ты на самом деле»¹, и, по мне, он прав. «Обрусевшим» немцем я не стал (за исключением разве что некоторых вредных привычек на дороге за рулем), но я, пожалуй, немец, *обогашенный* жизнью в России.

Что в современном укладе русской жизни так и осталось для вас чуждым, непонятным, неприемлемым?

«Чуждое, странное» (*fremdartiges*) есть, да. А вот «неприемлемое» предполагает оценочную позицию, с которой ты чувствуешь себя выше по отношению к чужой культуре. С такими моральными оценками стоит быть осторожным за границей, потому что

они часто создают барьер в нашем понимании другой культуры. Но это вовсе не значит, что я не замечаю случаев, когда задеваются личные ценности – впрочем, это случается и в Германии.

Зато поразительно и странно другое: когда русской женщине (извините, но чаще всего наблюдал это у женщин) приходится иметь дело с чиновником, который отказывает ей по всем пунктам, она становится – таково мое первое впечатление – невероятно агрессивной. Тогда я прихожу в ужас и вижу лишь тактические ошибки, потому что чиновник, увы, вынужден занимать столь же агрессивную оборонительную позицию, и дело таким образом становится безнадежным. Страсти то накаляются, то утихают, но потом обе стороны берут себя в руки и внезапно приходят к соглашению. Непередаваемый русский спектакль! Необъяснимый для меня, мой социальный опыт тут бессилён.

Кафедра, которую вы создали и возглавляете в РГГУ, носит имя Томаса Манна. Что он для вас – «ваше все» (как у нас – Пушкин), воплощение буржуазного духа, с его «аполлонической» мерой (как не вспомнить его

---

¹ Полностью строфа Гёте из сцены «Кабинет Фауста» звучит так: “Du bist am Ende – was du bist. / Setz dir Perücken auf von Millionen Locken, / Setz deinen Fuß auf ellenhohe Socken, / Du bleibst doch immer, was du bist”. В переводе Н.А. Холодковского: «Ты значишь то, что ты на самом деле. / Надень парик с миллионами кудрей, / Стань на ходули, но в душе своей / Ты будешь все таким, каков ты в самом деле».

статью «Достоевский, но в меру»), или есть какая-то своя история отношений с этим немецким гением?

Есть в немецкой культуре такие пары, в которых нельзя любить двоих одновременно: Гёте и Шиллера, Томаса и Генриха Манна, Mercedes и BMW. В литературном плане я – за Томаса Манна, великого мага языка и повествовательного искусства. Но монографию я писал тем не менее о *Генрихе* Манне, хотя и на основе документов, которые мне стали доступны в российских архивах. Речь в ней идет о Генрихе Манне, Вальтере Ульбрихте и Рудольфе Брайтшайде, о буржуазных интеллектуалах, коммунистах и социал-демократах, которые с 1936 по 1938 годы вместе боролись с Гитлером, временами, правда, исключительно друг с другом, и об исторической лжи, которая позже сложилась вокруг этого сюжета.

Вы на протяжении многих лет представляете Германскую службу академических обменов в России. Каковы сегодня инструменты продвижения немецкого языка и культуры в российской образовательной среде?

Я всегда четко разграничиваю сферы: за продвижение немецкого языка и культуры

отвечает Гёте-институт, а не моя организация, DAAD, мы, в свою очередь, способствуем международному сотрудничеству в науке на всех уровнях – среди студентов, преподавателей, исследователей. Наш департамент германистики РГГУ сотрудничает с университетом Фрайбурга в Германии. Многие годы мы развиваем международную аспирантуру и докторантуру при поддержке Немецкого научно-исследовательского общества¹. В итоге формируется – наша институция сейчас единственная в Восточной Европе – совершенно уникальный опыт: сотрудничество на равных, взаимное обогащение, понимание, что разница в мышлении скорее способствует научному познанию, чем препятствует ему.

Вы спрашиваете о средствах продвижения: назову прежде всего равноправное партнерство и взаимное доверие. А здоровая конкуренция лишь добавляет этому остроты. Раньше социальные элиты были сосредоточены в Итоне, Оксфорде или Гарварде. Сегодня умнейшие головы всех стран объединяются через международные образовательные процессы. Ни одна страна не может себе позволить не участвовать в них. Тот факт, что у нас в Германии благодаря DAAD самая большая организация в мире, способствующая интернационализации науки, даже заставляет меня гордиться.

---

¹ DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft.

Что изменилось в политике DAAD в России в сравнении с ранним постсоветским периодом? Ведь и Россия изменилась за эти тридцать лет...

DAAD – независимая организация, но то, что она делает, всегда было частью внешней культурной политики ФРГ. Последняя за последние 30 лет тоже изменилась. Однако научная политика обеих сторон оставалась относительно неизменной: речь шла о мерах по укреплению доверия, от которых обе стороны также извлекали и продолжают извлекать содержательную пользу. Насколько глубоко мы вникаем в интересы друг друга, насколько интенсивно чувствительная сфера науки может и должна кооперироваться с политикой, зависит от характера международных отношений. Политики склонны видеть новую стратегию в том, что сегодня называется модным словом «научная дипломатия»; но наука всегда стремилась преодолевать границы.

Российские университеты всегда, кажется, даже в советское время, ориентировались на немецкую, гумбольдтианскую модель классического университета, но с 2000-х годов выбран курс на американскую, более прагматичную модель, где университет является не столько оплотом исследовательской мысли, сколько

кузницей кадров для политической и экономической элиты, своего рода успешным образовательным предприятием. Что вы думаете о таком повороте? Надо ли ностальгировать по временам «чистой» науки, возможно ли достичь равновесия между фундаментальной наукой и рыночной экономикой, все сильнее влияющей на университетский менеджмент, структуру и содержание знаний?

Система Гумбольдта, возможно, и была притязанием советского университета, но не его реальностью. Гумбольдт, безусловно, требовал единства исследований и преподавания, Советский Союз же разделил их, делегировав исследования Академии наук, а преподавание университетам. До 1990-х годов членам Академии наук СССР было запрещено преподавать в университетах. Создание Российского государственного гуманитарного университета, в котором я работаю, во многом вдохновлялось тем, что ведущие академики хотели создать университет своей мечты.

Когда железный занавес пал, Министерство образования поставило перед собой задачу способствовать развитию научных исследований чуть ли не во всех университетах, что было крайне трудно реализовать, потому что число учреждений, называвших себя

«университетом» или «академией», росло тогда как грибы. Поделить бюджет, выделенный на исследования, между всеми означало бы лишь распылить его. Ответ министерства был продуманным и эффективным. Университеты были распределены в соответствии с определенной иерархией, и деньги на исследования стали поступать в основном в 50 ведущих вузов. Единственное, о чем я сожалею, это то, что среди них нет РГГУ.

Разумеется, университеты существуют в том числе и для того, чтобы готовить бюрократическую элиту, и так должно быть, даже если немцам не нравится слово «элита». Но это не единственная их задача. Во всей Европе и, наверное, за ее пределами тоже растет тенденция давать молодежи университетское образование, и не только потому, что требуется так много специалистов, но и потому, что за формированием личности, ее социализацией в академической среде признается высокая ценность. Университеты должны решать обе эти задачи.

Вы были соредактором книги «Германистика 1970-х годов», склонны и умеете обобщать большие массивы культурно-исторической информации. И вы почти 20 лет входите в состав президиума Российского союза германистов. Сложилось ли у вас видение «русской германистики»: что это? чем она может быть интересна

за пределами узкого круга специалистов и за пределами российской академии?

Начиная с Карамзина русская литература развивается в тесной связи с литературой европейской, с тех пор Россия тоже является частью явления, которое Гёте назвал «литературно-мировым» общением. С тех пор приобрела значимость идея, справедливая, по сути, и прежде: немецкая литература не может быть понята без ее связей с европейской и мировой литературой – и наоборот. Германистика никогда не занималась только «национальной» литературой, но всегда рассматривала ее в компаративном контексте. В этом отношении немцы могут многому научиться у русских. Точек соприкосновения между германистикой и русистикой множество, немецкие и русские германисты, так уж исторически сложилось, связаны гораздо теснее, чем, скажем, индийские или китайские коллеги. Русская германистика никогда не станет какой-то необъятной предметной областью, но всегда будет сохранять значимость среди других гуманитарных наук.

Насколько я знаю, вы много путешествуете с семьей по России. Что дал вам этот опыт в понимании нашей страны, себя в этой стране? Можете рассказать о самых сильных впечатлениях?

До пандемии мы даже не помышляли о том, чтобы узнать Россию поближе, путешествуя на машине. Но мы сделали это – и теперь в полном восторге: невероятно впечатлила Карелия, мы не встретили там ни одного комара; Северное море под Мурманском – там наши дети ловили рыбу в проруби; Северный Кавказ, где было так много всего, что делало жару сносной; а Золотое кольцо – это настоящая сказка.

Что вас вдохновляет, поддерживает в тяжелые минуты?

Моя семья!

Какой немецкой идиомой вы описали бы типично немецкий способ мыслить и жить, если это вообще возможно?

«Незаменимых нет»¹. Вот уж полная чушь. Замени человека – и сразу же меняется весь микрокосм. Типично немецкой тут является тенденция недооценивать личность и тем сильнее переоценивать исполнение какой-либо функции. Это ведет и к чаще встречающейся у немцев особенности – выступать не в качестве человека в целом, а в качестве носителя функции, за рубежом и не только.

Не секрет, что русским это не по душе, мне – тоже.

Есть ли у вас в Германии любимый уголок, «место силы», куда вы любите или хотели бы иногда возвращаться? Расскажите о нем, пожалуйста.

Родина там, где твоя семья. Для наших детей Германия – это бабушка и дедушка, для меня и моей русской жены – это места, где семейная жизнь протекала особым образом во время нашего «немецкого лета». Одним из таких мест, кроме Фрайбурга, стал для нас Архив немецкой литературы в Марбахе-на-Неккаре, где мы регулярно подпитывались наукой, при этом качая наших детей, тогда еще малышей, на террасе, расположенной на крыше общежития. В какой-то момент мы подсчитали, что наш старший сын провел примерно треть своего раннего детства в Марбахе...

На каком языке говорят персонажи ваших снов?

О, о моих снах давайте все же говорить не будем.

Перевод с немецкого В. Котелевской

¹ Нем.: Jeder ist ersetzbar.

Dirk Kemper is an official representative of the German Academic Exchange Service (DAAD) in Russia, vice-president of the Russian Union of Germanists, head of Thomas Mann Chair of German Philology at the Russian State University for the Humanities. He is the author of monographs on German literature and culture, including “Goethe and the Problem of Individuality in modern age culture” (2009, trans. A.I. Zherebin).

In the issue devoted to the Year of Germany in Russia, Dirk Kemper tells P&I about the development of German studies, his obsession with writing, and journey through Russia. He also comments on why the German proverb “Everyone can be replaced” should not put into practice. Interview by Vera Kotelevskaya.

